

Луи Виардо

Жизнь и произведения Сервантеса

Луи Виардо

Жизнь и произведения Сервантеса

«Public Domain»

1880

Виардо Л.

Жизнь и произведения Сервантеса / Л. Виардо — «Public Domain», 1880

«Вообще о каждом писателе и каждом художнике можно смело сказать, что его история сосредоточивается в его произведениях, что все, что он пишет, составляет его деяния, и что весь человек выражается в авторе. Но о Сервантесе этого сказать нельзя. Он был знаменитым человеком, прежде чем стал знаменитым писателем, и совершал великие дела, прежде чем написал бессмертную книгу. Его история была бы интересна даже без его прославленного имени, и жизнь его так же полна очарования и поучительности, как и его произведения...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Луи Виардо

Жизнь и произведения Сервантеса

Вообще о каждом писателе и каждом художнике можно смело сказать, что его история сосредоточивается в его произведениях, что все, что он пишет, составляет его деяния, и что весь человек выражается в авторе. Но о Сервантесе этого сказать нельзя. Он был знаменитым человеком, прежде чем стал знаменитым писателем, и совершал великие дела, прежде чем написал бессмертную книгу. Его история была бы интересна даже без его прославленного имени, и жизнь его так же полна очарования и поучительности, как и его произведения.

Непризнанный до самой своей смерти и даже много времени спустя, Сервантес не мог иметь биографов в то время, когда современники, сосредоточивая все свое внимание на знаменитом человеке, с благоговейным старанием собирают все подробности его славной жизни. Понадобилось много труда со стороны поздно опомнившихся почитателей потомков, чтоб восстановить, столько же по преданию, сколько по подлинным документам, и столько же по догадкам, сколько по достоверным сведениям, здание долгой и полной жизни. Много осталось не пополненных пробелов, много невыясненных сомнений; но и того, что известно достоверно и что предполагается, как возможное, достаточно, чтобы дать нам понятие о том, какова была судьба одного из величайших гениев, которыми гордится человечество.

До сих пор еще не открыто, где находится могила Сервантеса, и долго не было известно, где он родился. Восемь городов спорили, как некогда в Греции о Гомере, а чести быть его родиной: Мадрид, Севилья, Толедо, Лусена, Эскивиас, Альказар де-Сан-Хуан, Консуэгра и Алькала де-Генарес. В этом последнем городе он и родился и был окрещен в приходской церкви Святой-Марии, 9-го октября 1547 г. Его семья, родом из Галисии, поселившаяся потом в Кастилии, хотя и не принадлежала к титулованному дворянству, но считалась в числе тех дворянских семей, которые назывались *сыновьями чего-нибудь* (*hijos de algo* или *hidalgos*). С XIII столетия фамилия Сервантес с почетом упоминается в испанских летописях. Во время великих завоеваний святого Фердинанда, при взятия Баэсы и Севильи встречались воины с этой фамилией. Они тоже получили свою долю при распределении земель в то время, когда заселялись христианами местности, покинутые маврами. Были Сервантесы и между завоевателями Нового Света, занесшими в эти отдаленные края ветвь с их родословного дерева. В начале XVI столетия Хуан де-Сервантес был коррехидором в Осуне. Его сын Родриго де-Сервантес женился около 1540 г. на донье Леоноре де-Кортикас, аристократке из Барахаса. От этого брака родились сперва две дочери, донья Андреа и донья Луиза, а затем два сына, Родриго и Мигель. Последний был младшим ребенком этой бедной, но почтенной семьи.

О детстве Сервантеса мало известно. Надо полагать, что, родившись в университетском городе, куда стекалась учиться молодежь из Мадрида, отстоящего от Алькалы де Генарес всего на четыре мили, он там же получил первоначальное образование. Достоверно известно о нем от него же самого, что он с самого раннего детства очень любил литературу и до того пристрастился к чтению, что *подбирал даже на улице клочки печатной бумаги*. Его склонность к поэзии и театру обнаружилась перед подмостками знаменитого Лопе де-Руэда, странствующего актера, основателя испанского театра, игру которого он видел еще одиннадцатилетним мальчиком в Сеговии и Мадриде...

Достигнув юношеского возраста, Мигель отправился в Саламанку, где считался в продолжение двух лет в числе студентов знаменитого университета. Известно, что он жил на улице *los Moros*. Там-то он и изучил студенческие нравы, так хорошо описанные им во многих местах его произведения и между прочим во второй части *Дон-Кихота* и в двух лучших его повестях: *Лиценциат Видриэра* и *Мнимая тетка* (*la Tia fingida*). Несколько позднее мы находим Сервантеса в школе одного довольно известного гуманиста по имени Хуан-Лопец де-Гонос.

Этому директору коллегии было поручено мадридским муниципалитетом сочинять аллегории и девизы, которые должны были украсить в церкви *las Delcadyфы Reales* мавзолеей королевы Елизаветы Валуа, первой жены Филиппа II, в день великолепных похорон, состоявшихся 24 октября 1568 г. Гонос призвал на помощь лучших своих учеников, между которыми Сервантес упоминается первым. В напечатанном этим гуманистом *Докладе*, в котором подробно рассказывается о болезни, смерти и погребении королевы, Сервантесу, *его любимому и дорогому, ученику*, приписываются первая эпитафия в форме сонет, четыре *redondillas* (четверостишие), одна *copia castellana* (строфа с перекрещивающимися рифмами) и элегия из трехстиший, адресованная к кардиналу Дон-Диего де-Эспиноза, президенту кастильского совета и главному инквизитору.

Первые попытки Сервантеса встречены были одобрительно, и он, ободренный этим школьным успехом, вероятно в это же время, написал маленькую пасторальную поэму *Filena*, несколько сонетов, несколько *романсов*, *rimas*, т. е. разные стихи, о чем он упоминает к концу жизни в своем *Путешествии на Парнасе* (*Viage al Farnaso*). Но об этих произведениях осталось одно только воспоминание.

Это было вскоре после того, как во дворце Филиппа II произошла таинственная, кровавая драма, поведшая за собой смерть инфанта Дон-Карлоса и королевы Елизаветы, пережившей его только на два месяца. Папа Пий V поспешил послать Мадрид нунция, чтоб выразить испанскому королю свое соболезнование (*el pesame*) и потребовать кстати некоторых прав для церкви, в которых Филипп отказал в своих итальянских владениях. Этот нунций был римский прелат до имени Джиудо Акквавива, сын герцога Атрийского, получивший по возвращении из Испании кардинальскую шапку. Его миссия не могла понравиться Филиппу, который строго запретил всем от принцев до последних подданных говорить с ним о его сыне, и который, несмотря на свое ханжество, никогда ни в чем не уступал римскому двору. Поэтому папский посол не долго пробыл в Мадриде: через два месяца после своего прибытия, 2-го декабря 1364 г., он получил необходимые бумаги с приказом немедленно вернуться в Италию через Валенцию и Барселону. Так как Сервантес сам уверяет, что служил в Риме у кардинала Акквавивы в качестве *camarero* (лакея), то надо полагать, что римский нунций, которому молодой Мигель мог быть представлен в числе поэтов, воспевавших смерть королевы, почувствовал расположение к нему и, тронутый столько же его бедностью, сколько талантом, согласился принять его в число тех, кто тогда назывался *семьей* сановника, чтоб не сказать *прислуги*. Это было, впрочем, в обычае у всех: много молодых испанских дворян поступали в услужение к римскому духовенству, кто для того, чтобы дешево проехаться в Рим, кто чтоб выдвинуться на духовной службе благодаря влиянию, своего патрона, и никто не считал этого предосудительным.

Сопровождая своего нового господина, когда тот возвращался в Рим, Сервантес побывал в Валенце и Барселоне, которые много раз расхваливал в своих сочинениях, а также в южных провинциях Франции, которые описал в своей *Галатее* – в другие эпохи своей жизни он не мог там быть.

Несмотря на приятную праздность в передней римского прелата, и на еще более приятный случай предаваться своим поэтическим вкусам, Сервантес недолго оставался в услужении. На следующий же 1569 год он поступил в испанскую армию, которая занимала часть Италии. Для бедных дворян не существовало других карьер кроме церкви и оружия: Сервантес предпочел оружие и стал солдатом. В те времена это слово не имело того значения, что теперь, это был первый военный чин, после которого можно было сразу сделаться прапорщиком (*alferez*) и даже капитаном. Поэтому не всякий мог сделаться солдатом: требовалось известное разрешение, и в Испании говорили: *asentar plaza de soldado*.

Для такого человека, как Сервантес, время было самое подходящее. Произошла ссора, грозившая схваткой между христианством и исламом. Селим II, нарушив договоры, в мирное время напал на остров Кипр, принадлежавший венецианцам. Эти последние обратились

за помощью к Пию V, который сейчас же приказал самим галерам и испанским присоединиться под начальством Марк-Антония Колонны к венецианским галерам. Этот соединенный флот вышел в начале лета 1570 г. в восточным морям, с намерением остановить движение общего всем неприятеля. Но непонимание и нерешительность союзных генералов были причиной неудачи этого первого похода. Турки взяли приступом Никозию и завоевали весь остров, а христианские эскадры, раздробленные бурями, вынуждены были вернуться в порты, из которых вышли. В числе сорока девяти испанских галер, присоединившихся к папским под главным начальством Хуана-Андреа Дориа, находились и двадцать галер неаполитанской эскадры под командой маркиза де-Санта Круз. Их экипажи усилены были пятью тысячами испанских солдат, между которыми находилась и рота славного капитана Диего де-Урбина, выделенная из полка Мигеля де-Монкада. В эту-то роту и поступил Сервантес, которому пришлось при этом в первый раз испытать свое новое ремесло.

Пока он зимовал с флотом в неаполитанском порте, три южно-европейские морские державы деятельно готовились к войне, а современная дипломатия клала основание союзу, который со временем должен был соединить их. Наконец, 20 мая 1571 г. подписан был знаменитый договор о *Лиге* между папой, испанским королем и Венецианской республикой. В самом договоре три договаривавшиеся державы назначили генералиссимусом своих соединенных сил незаконного сына Карла V, Дон-Жуана Австрийского, который незадолго до того прославился в самом начале своего военного поприща подавлением продолжительного восстания морисков в Гренаде.

Дон-Жуан поспешно стянул в Барселону старые, уже испытанные им ранее войска и между прочим знаменитые *tercios* (полки) Дон-Мигеля де Монкада и Дон-Лопе де Фигероа и, немедленно отплыв в Италию, вошел 26 июня в Генуэзский рейд с сорока семью галерами. Когда войска и экипажи распределены были по судам, эскадра отправилась в Мессинский порт, куда должен был собраться весь соединенный флот. При этом распределении, на итальянские галеры Хуана-Андреа Дориа, находившиеся в то время на испанской службе, назначены были две новые роты ветеранов, взятые из *tercio* Монкады, Урбины и Родриго де Моры. Сервантес последовал за своим капитаном на галеру *Marquesa*, которой командовал Франческо Санто-Пиетро.

Союзный флот, по оказании помощи Корфу и после некоторого преследования неприятельского флота, настиг его 7-го октября утром при входе в Лепантский залив. Сражение начато было вскоре после полудня флангом Барбариго и, раскинувшись по всей линии, закончилось к вечеру одного из смертоноснейших и бесполезнейших побед, занесенных в летописи новой истории¹.

У Сервантеса была в то время перемежающаяся лихорадка, и капитан и товарищи настоятельно упрашивали его уйти в пространство между деками; но великодушный потомок севильских победителей, хотя и ослабленный болезнью, не только не сдался на этот совет, но еще умолял капитана назначить ему самый опасный пост. Его поставили около шлюпки, между двенадцатью отборными солдатами. Его галера *la Marquesa* была в числе наиболее отличившихся в деле: она напала на главную Александрийскую галеру, убила на ней около пятисот турок и командира и захватила египетский королевский штандарт. В этой кровавой схватке Сервантес получил три ружейных раны – две в грудь и одну в левую руку, которая была раздроблена и изувечена на всю жизнь. Гордый тем, что принял такое славное участие в этой памятной битве, Сервантес ни разу в жизни не пожалел о потере руки, а напротив, не раз говаривал, что счастлив, что такой ценой заплатил за славу считаться в числе лепантских солдат. Он любил

¹ Великий визирь Селима шутливо говорил после Лепантской битвы: «Мы отрезали у вас один член – остров Кипр, а вы, разрушив наши суда, которые мы так скоро восстановили, отрезали у нас только бороду, и она на другой же день опять выросла.»

в доказательство своей храбрости, которую ценил больше, чем ум, показывать эти раны, «как полученные при самом блестящем случае, какой видели прошедшие и настоящие века и какой могут надеяться видеть будущие века... и как звезды, которые должны вести других на небо чести.»

Дон-Жуан хотел, продолжая победу, овладеть всеми Лепантскими укреплениями и блокировать турок в Дарданеллах; но наступление зимы, недостаток съестных припасов, множество раненых и больных, наконец приказания брата его Филиппа, всегда нерешительного и завистливого, вынудили его вернуться в Мессину, куда он прибыл 31-го октября. Войска расквартированы были в разных местах, и полк Монкады поместился на юге Сицилии. Сервантес, больной и раненый, не мог уехать из Мессины и с полгода оставался там в госпиталях. Дон-Жуан Австрийский, выразивший ему живейшее участие с первого же дня после битвы, когда посетил все корпуса морской армии, не забывал его в его печальном убежище. Есть записи о маленьких денежных пособиях, которые, по его приказанию, выданы были Сервантесу 16-го и 25 января и 9-го и 17-го марта 1572 г. морским интендантством (*pagaduria*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.